

НАТАЛИЯ СЕРГЕЕВА

— ОТБОР —

ДАМА
ВНЕ СЕБЯ

18+

Наталия Сергеева

Отбор. Дама вне себя

«Автор»

2026

Сергеева Н.

Отбор. Дама вне себя / Н. Сергеева — «Автор», 2026

У меня было герцогство, место при Короле и сорок один год жизненного опыта. Теперь я в Москве, в теле девятнадцатилетней студентки Виктории Соколовой. В придачу получила однокомнатную квартиру, университет и банковскую карту, которая явно не одобряет мою любовь к качественным продуктам. Врачи решили, что я потеряла память. Спорить не стала: о жизни Виктории я действительно ничего не знаю. О собственной могла бы рассказать многое, но психиатр и без того назначил мне полгода наблюдений. Тайгондр и магию пока оставляю при себе. Похоже, вместе с чужой биографией мне достались и чужие неприятности. Что ж, придётся разбираться. Заодно освоить местные порядки и выяснить, как я здесь оказалась. Ведь дома остались близкие люди, о судьбе которых я ничего не знаю, а дорогу обратно ещё предстоит найти. Хорошо бы только до этого не разориться на сыре.

© Сергеева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая быль — моя небыль	5
Глава 2. Обыкновенно невероятно	12
Глава 3. Герцогиня на мели	21
Глава 4. Не с чистого листа	28
Глава 5. Не помню, но умею	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталия Сергеева

Отбор. Дама вне себя

Глава 1. Чужая была — моя небыль

К утру я поняла, что на мне ужасно жёсткая и неудобная одежда, которая кололась и натирала во всех местах. Вчера мне было слишком плохо, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Сегодня я уже могла сидеть, опираясь на поднятую спинку кровати, и потому обнаружила, что выданная мне рубашка с короткими рукавами сшита из странной ткани, которая одновременно мялась, липла к телу и неприятно цеплялась за кожу. Серое постельное бельё казалось не слишком чистым и тоже оказалось жёстким. Видимо, в этом мире считали, что некомфортные условия в лечебнице стимулируют больного человека поскорее выздороветь.

Зато я наконец смогла оглядеться.

Комната была небольшой, светлой и совершенно безликой, как будто здесь только начали ремонт. Кровать. Тумбочка. Стул. Какие-то ящики с огоньками. Белые стены. На тумбочке стоял мягкий стакан с водой. Даже посуду здесь делали из какого-то шуршащего материала.

Медсестра появилась после завтрака, поправила одну из трубок, тянувшихся к моей руке, на несколько секунд чем-то пережала мне руку и сообщила:

— Виталий Васильевич скоро подойдёт.

— Наконец-то я узнаю, кто это.

Она посмотрела на меня с лёгким удивлением.

— Врач.

Это я уже слышала. Просто непонятно, зачем один врач приглашает ещё одного, уже точно зная, от чего и как меня лечить.

Виталий Васильевич пришёл минут через двадцать. Это был мужчина лет шестидесяти с небольшим, в обычном белом халате. Он представился, сел на стул рядом с кроватью и первым делом поинтересовался, как я себя чувствую.

— Лучше, чем вчера. Уже могу сидеть и не испытываю при этом желания немедленно залечь обратно.

— Тошнота?

— Почти прошла. Голова ещё побаливает.

Он задал ещё несколько медицинских вопросов, сделал какие-то пометки в блокноте и неожиданно сменил направление.

— Вы понимаете, где сейчас находитесь?

— В Склифе, в Москве.

— Как вас зовут?

— Виктория. Девятнадцать лет.

— Фамилия?

Я посмотрела на него.

— Не помню, и этого мне пока никто не сообщил.

Он чуть заметно задержал самописное перо над бумагой.

— Соколова.

Итак, Виктория Соколова. Уже лучше.

— Адрес помните?

— Нет.

— Где учиться?

— Не знаю.

— Есть родственники?

— Не знаю.

— Друзья?

— Не помню.

Он отложил перо.

— Что именно вы помните о своей жизни?

Вот с этим было сложно. Я прекрасно помнила свою жизнь. Ардена, Майрона, Лиару, Рейнара. Дворец, родовой дом, Первую академию, сотни заседаний Совета и множество других людей.

Но меня спрашивали о жизни Виктории Соколовой, о которой я не помнила ничего.

— Ничего, — ответила я.

Он заметил, что я ответила не сразу, а сначала задумалась, и посмотрел внимательнее.

А я честно смотрела на него и понимала, что если я сейчас сообщу, что на самом деле являюсь сорокаоднолетней герцогиней из другого мира, на меня напали, а потом я очнулась в теле незнакомой девятнадцатилетней девушки, проблем у меня может стать ещё больше.

Вопросы продолжились. Знаю ли я, какой сейчас год. Нет. Какой город — уже знаю. Понимаю ли, почему нахожусь в больнице. Тяжёлое отравление лекарствами.

Через несколько минут разговора мне стало любопытно.

— Виталий Васильевич, а вы какой именно врач?

Он поднял на меня глаза.

— А что вас насторожило?

— Лекари, которые занимаются телом, обычно спрашивают, где болит. Вы десять минут выясняете, знаю ли я, кто я такая, и помню ли собственную жизнь.

Уголок его рта дрогнул.

— Психиатр.

Душевед. Конечно. Я должна была понять это ещё вчера по взглядам врача и его помощницы.

— И почему мне сразу этого не сказали?

— А вы бы разговаривали со мной иначе?

— Разумеется. Я бы тщательнее подбирала ответы.

На этот раз он всё-таки улыбнулся.

— Поэтому иногда полезнее сначала поговорить.

Я поправила на коленях больничное одеяло. Виталий Васильевич щёлкнул самописным пером.

— Тогда продолжим. Вы понимаете, почему меня к вам вызвали?

— Потому что Виктория приняла слишком много таблеток.

Он посмотрел на меня поверх листа.

— Да. Именно поэтому я здесь. Так почему вы их приняли?

— Не знаю.

— Не хотите говорить или не помните?

— Не помню. Я вообще не помню, как их принимала.

Он помолчал.

— Вы хотите умереть?

— Нет.

— Бывают мысли, что лучше было бы не спасать вас?

— Нет. Наоборот, я очень рада, что врачи оказались достаточно умелыми.

Это была чистая правда. Я всё ещё не понимала, как я сюда попала, но умирать абсолютно не хотелось.

Виталий Васильевич задал ещё несколько вопросов. Боялась ли я кого-нибудь. Не было ли рядом человека, который мог заставить меня принять лекарства. Не пытаюсь ли я кого-то защитить. Ответить мне было нечего.

— Девушка, вызвавшая скорую, сказала, что я сама приняла таблетки, — напомнила я. — Значит, она это видела?

— Не обязательно. Но обстоятельства она восприняла именно так.

— Тогда сначала надо выяснить обстоятельства.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Вы быстро переходите от собственного отравления к расследованию.

— Ну это же на данном этапе правильнее, чем страдать от потери памяти?

Он записал что-то ещё.

— Виктория, я не утверждаю, что таблетки вам дал кто-то другой. У меня для этого нет оснований. Но сейчас передо мной человек, который совершенно определённо хочет жить, последовательно рассуждает и не может объяснить главное событие, из-за которого оказался здесь. Поэтому мне хотелось бы некоторое время за вами понаблюдать.

— Некоторое — это сколько?

— Примерно полгода. Первое время чаще, дальше посмотрим по состоянию.

Я уставилась на него.

— Полгода?

— Вы пережили тяжёлое отравление и реанимацию и не помните собственной биографии. Думаю, несколько встреч за полгода не выглядят чрезмерной платой за возможность понять, что с вами происходит.

Это было разумно. Но посещать психиатра не очень хотелось.

— Это обязательно?

— Вы совершеннолетняя. Насильно ходить ко мне я вас не заставляю. Но в вашей медицинской карте уже есть тяжёлое отравление, расценённое как попытка самоубийства, и полная потеря памяти о собственной жизни. Я могу оставить всё именно в таком виде. А могу наблюдать динамику и фиксировать, как восстанавливается память и меняется состояние.

— То есть либо я добровольно посещаю психиатра, либо в моей медицинской карте так и останутся попытка самоубийства и полная потеря памяти?

— В сжатом виде — да. Хотя карта здесь далеко не главная проблема.

Я вздохнула.

— Умеете вы убеждать.

Я решила, что смогу найти время на душевспасительные беседы раз в месяц. Кроме того, если память Виктории действительно могла вернуться, мне нужен был человек, который помог бы разобраться в её воспоминаниях.

В дверь постучали. Заглянула медсестра.

— Виталий Васильевич, к Соколовой девушка пришла. Та, которая скорую вызывала. Пустить?

— Да, конечно.

Через минуту в палату вошла девушка примерно моего нынешнего возраста — по крайней мере, медсестра назвала её девушкой. Невысокая, тёмно-русая, в мужских обтягивающих брюках и короткой куртке. Она остановилась у двери и посмотрела на меня со странной смесью вины и облегчения в глазах.

— Вика...

Я невольно снова посмотрела на брюки. Даже для верховой езды у нас поверх них полагалась юбка.

Она тоже смотрела на меня. Молчание затянулось, и я решила его прервать.

— Простите. Мы хорошо знакомы?

Лицо девушки изменилось так резко, что я сразу пожалела о прямоте. Она сделала два шага к кровати.

— Вика, это я.

Очень содержательно.

— Боюсь, мне это пока ничего не говорит.

Она перевела взгляд на Виталия Васильевича.

— Она... что?

— У Виктории выраженное нарушение памяти после тяжёлого состояния, — спокойно сказал он. — Сейчас она не помнит ничего из своего прошлого.

Девушка снова посмотрела на меня.

— Совсем?

— Похоже, совсем, — ответила я. — Поэтому представьтесь, пожалуйста.

Она опустила на край моей кровати.

— Маша. Мария Крылова.

— Очень приятно, Маша. А теперь хотелось бы понять, кем вы мне приходитесь.

Маша моргнула.

— Мы вместе выросли.

Вот этого я не ожидала.

— Сёстры?

— Нет. В детском доме.

Я растерялась. Одним вопросом в моей новой биографии стало меньше и сразу прибавилось ещё десятков.

— Значит, родителей у меня нет?

— Нет. У нас обеих нет.

Она сказала это привычно, без жалости к себе.

— И мы дружим с детства?

Маша кивнула.

— Лет с пяти.

Почти пятнадцать лет. Передо мной сидел человек, который знал Викторию почти всю её сознательную жизнь.

— Вы вызвали скорую?

— Да.

Вот теперь я смотрела на неё уже с благодарностью. Если бы не Мария, неизвестно, проснулась бы я вообще.

— Тогда прежде всего спасибо.

Маша растерялась.

— За что?

— За то, что я жива.

Она быстро отвернулась и провела ладонью по лицу.

— Господи, Вика.

Кажется, официальное выражение благодарности оказалось не тем, чего она ожидала от подруги пятнадцатилетней давности.

Я её понимала. Если бы Лиара очнулась после тяжёлого ранения, посмотрела на меня вежливо и поблагодарила за помощь как незнакомого человека, мне тоже было бы не по себе.

— Где я живу? — спросила я, чтобы не заставлять её сидеть в этом чувстве слишком долго.

— Дома.

— Это обнадеживает. Где именно?

Маша посмотрела на меня, потом на Виталия Васильевича, словно всё ещё надеялась, что кто-нибудь сейчас объявит происходящее нелепой шуткой.

— На Каширке. Мы живём в одном доме, на одном этаже, в одном блоке, в соседних квартирах.

Вот это уже было хорошо.

— Значит, вы сможете помочь мне добраться до дома?

— Конечно. Я тебя заберу, когда выпишут.

Она сказала это сразу, без паузы, и впервые с момента появления в палате я почувствовала некоторое облегчение. В этом мире существовал хотя бы один человек, готовый помочь мне освоиться.

Правда, насколько я в ней нуждалась, она пока не понимала.

— А чем я занимаюсь?

— Учишься.

— Где?

— В Плешке.

Маша хотела продолжить, но я остановила её.

— Не всё сразу. Я всё равно пока ничего не понимаю.

Виталий Васильевич одобрительно кивнул.

— Разумный подход.

Маша неожиданно улыбнулась. Я посмотрела на неё внимательнее. Если она знала меня пятнадцать лет и нашла после таблеток, то, вероятно, знала и причину.

— Маша, вы понимаете, почему я это сделала?

Улыбка исчезла. Она опустила глаза.

— Там всё... сложно.

— Обычно так говорят, когда не хотят отвечать.

— Я хочу. Просто не знаю, надо ли сейчас.

Виталий Васильевич не вмешивался.

— Мне хотелось бы знать хотя бы, что именно привело меня к такому решению.

Маша глубоко вдохнула.

— Ну... там Максим.

— Кто такой Максим? Он мне кто?

Она подняла голову.

— Ты не помнишь Максима?

— Маша, я вас десять минут назад не помнила. Почему Максим должен пользоваться особыми привилегиями?

Она смотрела на меня несколько секунд. Потом вдруг выдохнула, будто всё это время держала воздух.

— Вы сейчас обрадовались?

— Нет. То есть... не амнезии.

— Хм, хорошо.

— Я просто боялась, что ты очнёшься и первым делом спросишь про него.

Ага. Вот теперь стало понятнее.

— Значит, он был для меня важен.

— Очень.

— Муж?

— Нет.

— Жених?

Маша поморщилась.

— Не совсем.

— Прекрасно. Пока мы выяснили только то, что Максим — мужчина с неопределённым статусом, из-за которого вы боялись моих вопросов.

Виталий Васильевич кашлянул. Кажется, скрывал улыбку. Маша посмотрела на меня странно.

— Ты странно разговариваешь, не как раньше.

— Возможно. Но прежний вариант мне недоступен.

Она снова замолчала.

— Вы с Максимом встречались, — наконец сказала она. — Долго. Потом всё очень плохо закончилось.

— Насколько плохо?

Маша бросила взгляд на врача.

— Вика...

— Хорошо. Не сегодня.

Она явно ожидала спора и поэтому сразу расслабилась. Я решила не разочаровывать её. Пока.

Если этот Максим действительно имел отношение к таблеткам, информация никуда не денется. А человека, который спас мне жизнь и явно боялся причинить новый вред, не стоило ломать через колено в первые пятнадцать минут знакомства.

— Память может вернуться? — спросила Маша у Виталия Васильевича.

— Может. Полностью, частично, отдельными фрагментами. Сейчас никто не скажет точно.

Маша снова посмотрела на меня.

— И что мне делать? Рассказывать ей всё или лучше не надо?

— Помогать ориентироваться — да. Устраивать сегодня подробное восстановление всей биографии по часам — нет. Если что-то начнёт вспоминаться, не надо давить и заставлять вспомнить больше.

— А если не начнёт? — спросила я.

Виталий Васильевич пожал плечами.

— Тогда будете узнавать свою жизнь заново.

Отлично. Чужой мир, чужое тело, чужое имя. Теперь ещё и чужая биография, которую надо было изучить.

— Значит, пока с этого и начнём.

Маша улыбнулась уже увереннее.

— Ты всегда терпеть не могла, когда не понимала, что происходит.

Виталий Васильевич поднялся.

— На сегодня мне достаточно. Я найду ещё до выписки, а дальше договоримся о встречах.

Он повернулся и направился к двери. Уже там остановился и посмотрел на Машу.

— Не пытайтесь вернуть ей память за один вечер. Обычные сведения, знакомые места, вещи — постепенно. Если ей станет хуже, появится тревога, спутанность или резкое ухудшение состояния, сразу сообщайте врачам.

Маша серьёзно кивнула. После того как дверь закрылась, мы некоторое время молчали.

Я наконец смогла рассмотреть её внимательнее. Маша сидела немного ссутулившись, сцепив руки на коленях, и смотрела на меня так, словно пыталась найти знакомого человека под незнакомым выражением лица.

— Мы действительно живём рядом? — спросила я.

— Да, совсем рядом. У нас двери в одном блоке.

— Думаю, первое время я буду нуждаться в вашей помощи.

Она кивнула слишком быстро.

— Конечно.

В этом ответе было что-то ещё, но я пока не знала достаточно, чтобы понять, что.

— Маша, а кроме вас у меня вообще есть кто-нибудь близкий?

Она задумалась.

— Знакомые есть. В институте. Но близких... наверное, нет.

— А Максим?

Снова напряжение.

— Его сейчас рядом с тобой нет.

Очень интересная формулировка.

— Хорошо. Тогда с Максимом разберёмся позже.

Маша посмотрела на меня почти испуганно.

— Только не надо сразу ничего делать.

— Я пока даже не знаю, кто он.

— Вот и хорошо.

— Для него, возможно.

Она несколько секунд молчала, потом вдруг засмеялась. Нервно, но вполне искренне.

— Нет, ты точно какая-то другая.

— Реанимация, — напомнила я.

Смех оборвался, и опять появилось виноватое выражение лица.

Маша пробыла ещё около получаса. За это время я выяснила главное. Документы и мои вещи находятся дома. Квартира действительно моя. Из больницы меня, если всё будет хорошо, выпишут через несколько дней. Маша уже договорилась, что встретит меня и отвезёт домой.

Когда она собралась уходить, то остановилась возле кровати.

— Я завтра приду.

— Хорошо.

— Что-нибудь принести?

Я посмотрела на серое бельё, неудобную больничную рубашку и мягкий стакан.

— Что-нибудь, что в этом мире считается нормальной одеждой.

Маша впервые рассмеялась без всякой тревоги.

— Договорились.

И ушла.

Я откинулась на подушку. Голова снова начала тяжелеть, но сегодняшний день уже стоил потраченных сил.

Итак, Виктория Соколова. Девятнадцать лет. Сирота. Студентка. Есть квартира, подруга Маша Крылова и загадочный Максим, одно упоминание которого заставляет Машу напрягаться. Несколько дней назад Виктория приняла столько таблеток, что едва не умерла. Почему — неизвестно.

Через несколько дней меня собирались выписать домой. Домой. Оставалось только выяснить, что теперь означало это слово.

Глава 2. Обыкновенно невероятно

К выписке я уже могла самостоятельно передвигаться не только по палате, но и по коридору. Последние несколько дней тело Виктории постепенно приходило в себя. Тошнота прошла, голова почти не болела, но стоило немного доложить или постоять, как слабость немедленно напоминала, что совсем недавно это тело пришлось принудительно возвращать к жизни.

Но восстанавливала я не только тело. Каждое утро, едва оставшись одна, я осторожно тянулась к своему источнику. Первый раз сделала это машинально. Дома я могла не пользоваться боевой магией месяцами, но не чувствовать источник вообще было примерно так же естественно, как внезапно обнаружить, что у меня исчезла одна рука. Он, к счастью, оказался на месте. Глубоко спрятанный под несколькими слоями чужой плоти, но мой.

А вот с каналами всё было значительно хуже. Тело Виктории никогда не работало с магией. Энергия шла тяжело, будто по давно ссохшимся сосудам. В первый день я сумела провести по каналам тепло только до середины плеча. На второй — чуть дальше, до локтей. Потом попробовала ноги.

После этого пальцы теплели, слабость немного отступала, словно кровь начинала двигаться быстрее, зато сразу начинало хотеться спать так, будто я не лежала большую часть суток, а разгружала телеги.

Я не торопилась. Когда-то, очень давно, в детстве меня учили начинать именно так. Сначала почувствовать источник. Потом открыть путь. Потом провести по нему столько силы, сколько тело способно принять без сопротивления.

Маша пришла ближе к полудню с большой матерчатой сумкой и объявила:

— Тебя выпускают.

— Я уже догадалась. Утром врач сказал.

Она выглядела страшно довольной, словно выписывали её. Она вынула из сумки свёрнутую одежду и положила на кровать.

— Я принесла тебе нормальные вещи. А то забирали тебя в старых домашних штанах.

Я посмотрела на свёрток.

— Джинсы — это синие брюки?

— Да.

— Такие же, как на тебе?

— Ну... примерно.

— Понятно.

Ничего мне не было понятно, кроме того, что местные женщины действительно выходили на улицу в одежде, которую в Тайгондре допустили бы разве что для верховой езды, да и то прикрыли бы специальной юбкой.

А вот нижнее бельё мне понравилось. Тонкие мягкие трусики из приятной ткани я сначала осмотрела с недоверием, потом надела и была вынуждена признать, что местные портные кое-где достигли выдающихся результатов.

Следующая вещь потребовала объяснений.

— А это?

— Бюстгальтер.

Я повертела в руках мягкую эластичную конструкцию без привычных застёжек и шнуровки.

— И всё?

— А тебе ещё что нужно?

Через несколько минут выяснилось, что ничего.

Он оказался настолько удобным, что я некоторое время молча оценивала преимущества новой цивилизации.

— Что? — спросила Маша.

— Думаю, всё-таки этот мир не безнадёжен.

— Из-за лифчика?

— Не знаю, что такое лифчик.

— Это он и есть.

— Тогда да.

Маша рассмеялась.

С брюками оказалось хуже. Ткань оказалась плотной и после больничной рубашки казалась слишком жёсткой. Ещё меня смущало то, что джинсы совершенно не скрывали длину и форму моих ног. Но раз так здесь принято, я решила пока не высказываться. Сверху я натянула мягкую рубашку с длинными рукавами. Она выглядела достаточно прилично, хотя ткани на одежду здесь явно жалели.

Пока я одевалась, пришлось дважды садиться.

Когда я приземлилась на кровать второй раз, Маша перестала смеяться и посмотрела внимательнее.

— Голова кружится?

— Нет. Просто устала.

— Может, ещё рано домой?

— Вы же понимаете, если бы врачи считали, что рано, меня бы не выписывали.

Она начала складывать больничные вещи и вдруг замерла.

— Почему ты мне всё время выкаешь?

Я посмотрела на неё.

— Потому что я вас совсем не помню.

— Мы с пяти лет знакомы, — сказала она обиженно.

Мне стало её жалко.

— Хорошо, — ответила я. — Я постараюсь.

Перед выпиской ко мне ещё раз заглянул Виталий Васильевич. Задал несколько знакомых вопросов, убедился, что умирать я по-прежнему не собираюсь, напомнил о следующей встрече и велел не геройствовать.

Когда мы вышли на улицу, Маша достала тот самый маленький плоский предмет, который постоянно носила с собой, несколько раз коснулась пальцем светящейся поверхности и сказала:

— Машина приедет через четыре минуты.

— Что такое машина?

— Машина — это вот.

Она показала на проезжавший мимо безлошадный экипаж. Я уже видела их из больничного окна, но с высоты и на расстоянии они меньше впечатляли.

Я уставилась на дорогу. По ней один за другим двигались тяжёлые металлические экипажи самых разных форм и размеров. Без лошадей. Без видимых магических контуров. Некоторые останавливались, другие трогались с места, третьи проносились мимо с такой скоростью, что я невольно провожала их взглядом.

Один из экипажей остановился перед нами. Маша посмотрела на светящийся предмет в руке, потом на машину.

— Наша.

Она открыла дверь. Я села внутрь. Сиденье оказалось удобным. Дверь закрылась с довольно громким щелчком.

Маша обвила себя широкой лентой и потянулась ко мне.

— Давай.

— Что?

— Ремень.

Через минуту выяснилось, что местные экипажи заранее предполагали возможность столкновения и поэтому пассажиры должны были привязывать себя к сиденьям.

Это немного уменьшило моё восхищение четырёхколёсными монстрами.

Машина поехала. Первые несколько минут я молчала и наблюдала за сменявшимися за окном пейзажами. Не потому, что не было вопросов. Наоборот, их было слишком много.

Дома поднимались на невероятную высоту. Экипажи двигались несколькими потоками одновременно. Между ними иногда проходили люди. Над дорогой висели непонятные таблички с рисунками, вдоль неё виднелись витрины, надписи.

Я подумала, что, если бы не слабость, то сейчас уже, вероятно, была бы потрясена.

Через некоторое время заметила закономерность. Впереди зажёгся красный огонь. Все машины остановились. По другой дороге движение началось. Потом красный огонь сменился зелёным, и машины на другой дороге остановились. Я отследила смену цветов ещё пару раз.

— Что регулируют эти огни?

Маша посмотрела туда же.

— Светофор?

— Вот это устройство с огнями.

— Он показывает, кому можно ехать или идти. Красный — нельзя, зелёный — можно.

— А средний?

— Жёлтый. Предупреждает, что сейчас сигнал сменится.

Я кивнула. Необычно, но логично.

— А если кто-нибудь поедет на красный?

— Может получить штраф. Или в аварию попасть.

— Значит, система всё-таки есть.

Маша посмотрела на меня и улыбнулась.

— Ты думала, мы здесь просто все носимся кто куда?

— Первые три минуты — да.

Она засмеялась. Я снова отвернулась к окну.

Город продолжал демонстрировать невозможный хаос с таким будничным видом, что у меня постепенно возникало ощущение, будто ненормальной здесь была только я.

Через какое-то время вернулась слабость. Я перестала следить за дорогой и просто сидела, прикрыв глаза.

Когда машина остановилась, Маша протянула кучеру плоский аппарат. Я отметила этот факт, но спрашивать уже не стала, так как устала.

Дом, у которого мы вышли из машины, оказался высоким. Я остановилась у входа и посмотрела вверх.

— На каком этаже мы живём?

— На двенадцатом.

У двери Маша достала маленькую пластинку, приложила её к чёрному устройству возле входа. Что-то коротко пискнуло, щёлкнуло, и дверь открылась.

Я посмотрела на устройство, потом на Машу.

— Ну наконец-то.

— Что?

— Магия.

Она моргнула.

— Где?

— Она узнала тебя и открыла дверь.

Маша несколько секунд смотрела на меня, а потом начала смеяться.

— Это не магия.

— Тогда почему дверь тебя узнала?

— Потому что ключ электронный.

— Опять неизвестное слово.

— Потом.

Я согласилась. Внутри был небольшой холл и ещё одна дверь. Маша подвела меня к металлическим створкам, нажала кнопку.

Створки разъехались. За ними оказалось тесное помещение. Полтора метра на полтора.

— Заходи.

Мы зашли, створки закрылись. Маша нажала на кнопку с числом двенадцать. Через мгновение пол едва заметно дрогнул. Я подняла голову и прислушалась.

— Мы движемся.

— Да.

— Вверх?

— Да.

Я посмотрела на неё.

— Зачем?

— Чтобы не идти пешком на двенадцатый этаж.

Это было разумно.

— Как это называется?

— Лифт.

Я запомнила.

Через несколько секунд движение прекратилось, створки снова разошлись. И опять якобы никакой магии.

Наши двери действительно находились рядом. Сначала небольшой общий коридор, потом одна дверь слева и другая справа. Маша показала:

— Здесь я. Здесь ты.

Я посмотрела на свою дверь. Мой дом. Так странно. За последние дни я несколько раз слышала это слово, но только сейчас оно приобрело конкретные очертания. Маша открыла дверь ключом, и мы вошли.

Квартира ошарашила меня размером — она оказалась очень маленькой.

Узкий коридор, из которого было видно почти всё сразу. Дверь в комнату. Другая — в помещение с ванной. Чуть дальше — кухня.

Я прошла дальше. Сильнее всего удивила ванная. Не подачей воды на такую высоту. В Тайгондре никто не таскал воду в вёдрах. Насосные контуры подавали её в дом, нагревательные — обеспечивали нужную температуру. Во дворце система была сложнее, в городских домах проще, но сам принцип привычен.

Здесь удивляло другое. Ванна, раковина и всё остальное необходимое каким-то образом уместились в помещении, которое я пересекла двумя шагами.

— Очень... компактно.

Маша прыснула.

— Это ещё нормальная ванная.

— Мне страшно спрашивать, что считается ненормальной.

Она повернула кран в одну сторону. Потекла вода. Повернула в другую, вода стала горячей.

— Здесь всё просто.

— Принцип понятен.

— Правда?

— Вода по трубам поступает в дом.

— Да.

— Где-то нагревается.

— Да.

— Магии нет.

— Нет.

Маша закрыла воду.

В комнате стояла кровать, небольшой диван, шкаф, стол, несколько полок. На столе лежал плоский тёмный предмет, напоминавший одновременно книгу и шкатулку.

Я взяла его.

Тяжёлый.

— Что это?

— Ноутбук.

— Хорошо. А назначение?

— Компьютер.

— Это не назначение.

— На нём ты училась. Работала. В интернете сидела.

Последнее слово я решила даже не уточнять.

— То есть там может быть информация обо мне?

Маша перестала улыбаться.

— Да. Много.

Я положила странную книжку обратно. Не сегодня.

Рядом лежал тонкий прямоугольник с надписями и фотографией Виктории, ну или моей.

Я взяла его.

— Это что?

— Студенческий.

На карточке было написано полное название учебного заведения.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова.

Я перечитала дважды.

— Это и есть Плешка?

— Да.

На полке стояли фотографии. На одной две девочки лет десяти обнимались на фоне какого-то двора. На другой были уже подростки. На третьей Маша выглядела почти так же, как сейчас, а рядом стояла Виктория.

Маша подошла ближе и перехватила мой взгляд.

— Это два года назад.

Я перевела взгляд на неё. Пятнадцать лет. Этот человек действительно прожил рядом с Викторией почти всю её жизнь. И теперь смотрел на меня, пытаясь найти в моих реакциях ту девушку, которой больше не было.

На кухне Маша открыла один шкафчик, потом другой.

— Странно.

— Что?

— Чашки раньше здесь стояли.

Она нашла их в соседнем. Я посмотрела на неё.

— Ты давно здесь не была?

Маша замерла буквально на мгновение.

— Давно.

— Почему?

Она опустила чашки на стол чуть сильнее, чем требовалось.

— Потом, ладно?

— Ладно.

Я не стала настаивать, но запомнила. Подруга, живущая за соседней дверью, давно не бывала в квартире. И всё-таки именно она пришла сюда в тот день, когда Виктория приняла таблетки.

Возле комнаты на нижней полке шкафа я увидела мужские домашние туфли без задников. Они были слишком большими для Виктории и совершенно точно принадлежали мужчине.

— Чьё это?

Маша проследила за моим взглядом.

И снова напряглась.

— Максима.

— Он здесь жил?

Пауза получилась чуть длиннее ожидаемого.

— Жил.

Хм. Это уже было интересно. Сначала я узнала, что Максим был очень важен для Виктории. Теперь выяснилось, что он жил в её доме.

— Давно он отсюда уехал?

Маша отвернулась.

— Вика.

— Хорошо. Потом.

Она заметно расслабилась и минуту спустя достала несколько ярких мягких упаковок.

— Вот это пока лучше не ешь.

— Тогда зачем оно здесь?

— Потому что это дёшево, быстро и обычно спасает, когда дома ничего нет.

Она показала мне одну упаковку.

Внутри на рисунке были длинные полоски теста.

— Лапша быстрого приготовления. Заливаешь кипятком — и готово.

— Почему мне нельзя?

— После отравления желудок лучше не добивать. Я тебе другую еду взяла.

Она достала картонную коробку.

— Геркулес.

Я посмотрела на странную бумажную упаковку. Маша открыла её и показала мелкие сухие хлопья.

— Это едят?

— Да.

— Жуют прямо так?

— Нет.

Она взяла небольшой кувшин странной формы, налила в него воды и поставила на круглую подставку.

— Это чайник.

Вот чайники у нас тоже были. Только наши не соединялись проводами со стеной. Маша нажала маленький рычажок. Через несколько минут вода закипела. Без огня и магии!

Я заглянула внутрь.

— И всё?

— Что «всё»?

— Он сам нагрел воду.

— Да.

— Почему?

— Электричество.

— Это я уже слышала.

— Скоро вспомнишь.

Маша насыпала хлопья в миску, залила кипятком и накрыла другой миской.

Через несколько минут добавила туда что-то густое, белое из небольшой банки.

— Попробуй.

Я взяла на кончик ложки и положила в рот. Потом ещё раз.

— Неплохо.

Каша оказалась горячей, мягкой и неожиданно вкусной.

— Коробку оставляю тебе. Захочешь есть — насыпала, кипятком залила, подождала.

Сгущёнка в холодильнике.

— Что и где?

Она открыла высокий белый шкаф у стены. Внутри горел свет и было холодно. Я заглянула.

— А это?

— Холодильник.

— То есть холодный шкаф.

— Ну... в принципе.

— А сгущёнка?

— Сгущённое молоко с сахаром.

Я решила, что пока хватит вопросов. Это хорошо ещё, что у Виктории такая спокойная подруга.

— Пару дней лучше посиди на каше, — продолжила Маша. — Потом посмотрим. Я завтра зайду.

Она показала мне, где лежит чай, сахар и чашки. Махнула головой в сторону большого ящика.

— Вот это пока не трогай.

— Почему?

— Потому что я не хочу объяснять тебе сегодня ещё и плитку.

— Разумно.

— Стиралку тоже завтра.

Перед уходом Маша взяла со стола ещё один такой же плоский аппарат.

— Телефон. Твой.

Я взяла его.

— Через него можно разговаривать на расстоянии?

— Да.

Назначение было понятно. В Тайгондре для срочной связи использовали магические кристаллы и зеркала, поэтому сама идея меня не удивляла.

Удивлял размер.

— Такой маленький?

— Сейчас покажу.

Она коснулась поверхности. Та загорелась.

Появились цифры.

Маша ввела несколько.

— Код тот же.

— Ты его знаешь?

Она на секунду замолчала.

— Ну да. Хорошо, что ты его не поменяла.

Маша несколько раз провела пальцем по поверхности.

— Вот я.

За стеклом появилась надпись «Машуля» и маленькое изображение её лица.

— Если что-то нужно — нажимаешь сюда.

— И всё?

— Потом ещё вот сюда.

— Значит, два действия.

— Да.

— Запомнила.

— Остальное давай завтра, а то, как я вижу, ты уже еле стоишь.

Я хотела возразить, но поняла, что это правда.

Маша оглядела комнату.

— Я могу сегодня у тебя остаться.

— Зачем?

— Вдруг тебе станет плохо.

— Ты живёшь за соседней дверью.

— Или ты можешь у меня переночевать.

— Маша.

Она посмотрела на меня.

— Я хочу остаться одна.

— После больницы?

— Именно после больницы.

Она промолчала. Но я уже достаточно хорошо научилась видеть выражение её лица. На нём было не недоверие, а страх. Простой, тихий страх снова найти подругу слишком поздно.

Я смягчилась.

— Если мне станет плохо, я позвоню.

— Обещаешь?

— Да.

— Или просто постучи. Я услышу.

— Хорошо.

Она ещё раз показала мне замок и наконец взяла сумку. У порога остановилась.

— Вика.

— Что?

— Я рада, что ты дома.

Я посмотрела на неё.

— Я тоже.

Маша ушла, закрыв дверь за собой. В квартире стало тихо.

Я постояла посреди малюсенькой комнаты. Она была совсем чужой и при этом моей.

На столе лежала странная книга-ноутбук. Рядом — телефон, в котором находилась часть жизни Виктории. На полке стояли фотографии. В шкафу — мужские домашние туфли человека, о котором Маша не хотела рассказывать.

Слишком много информации сразу. Сил — значительно меньше.

Я села на край кровати. Сегодня разбираться с Викторией Соколовой я не буду, а вот с силой Вирджинии — надо.

Я закрыла глаза. Источник нашёлся сразу. После нескольких дней тренировок он находился быстрее и ощущался гораздо ближе.

Я осторожно потянула силу. Ладони потеплели. Потом осторожно повела тепло вниз, к стопам.

Соппротивление ещё чувствовалось. Каналы были узкими, непривычными. Ничего, пробьёмся.

Когда мне было четыре года, я точно так же сидела, пытаюсь провести тепло до кончиков пальцев под присмотром наставницы. Потом училась делать искру, затем огонёк. Нагревать предметы. Сдвигать лёгкие вещи. Чувствовать нужное среди чужого. Строить первый щит.

Сила без управления была бесполезна. Управление без подготовленного тела — опасно. Значит, сначала готовлю тело.

Тепло дошло до ступней. Я медленно выдохнула. Пальцы рук больше не были холодными. Ноги тоже согрелись. Слабость немного отступила, появилось знакомое ощущение, будто тело наконец наполнилось жизненной силой.

Я подняла руку. Собрала совсем немного силы у указательного пальца. Не торопиться. Не давить. Искра появилась не сразу. Крохотная золотистая точка вспыхнула над ногтем и тут же погасла.

Я улыбнулась.

— Уже лучше.

Вторая продержалась чуть дольше. Достаточно. Я плюхнулась на кровать, даже не раздеваясь.

Магия заметно помогла. Руки и ноги оставались приятно тёплыми, голова прояснилась. Зато спать захотелось мгновенно и совершенно неудержимо.

Последней мыслью перед тем, как закрыть глаза, было понимание того, что тело Виктории можно подготовить для использования магии моего уровня. А вот справится ли мой мозг с электричеством и другими загадками этого мира, я пока не понимала.

Глава 3. Герцогиня на мели

Утро началось с овсянки.

Я честно заварила её так, как показала Маша: насыпала хлопья в миску, залила кипятком, накрыла тарелкой и подождала. Вчера со сгущёнкой это казалось вполне съедобным. Сегодня сгущёнки осталось мало, и я решила обойтись без неё.

Через несколько ложек выяснилось, что без неё каша кажется гораздо менее съедобной. Но я всё доела. Не потому, что мне понравилось, а потому, что моему новому телу явно требовались силы. Потом посмотрела на почти полную пачку «Геркулеса» и поняла: ещё один такой приём пищи я не переживу.

Маша уже звонила с утра. Сегодня у неё была смена в магазине бытовой техники, где она работала консультантом, поэтому появиться обещала только ближе к вечеру.

— Если что-то понадобится, звони, — сказала она. — И, Вик, пожалуйста, не устраивай сегодня подвигов. Ты вчера от машины до лифта дошла и уже была никакая.

— Я поняла. На сегодня подвиги отменяются.

Маша почему-то через паузу отметила.

— Вот сейчас ты опять странно говоришь.

— Как?

— Не знаю. Как... взрослая тётка.

Я посмотрела на своё отражение в тёмном экране телефона. Девятнадцать лет, а вот взрослая тётка всё равно лезет изнутри.

— Это, видимо, побочное действие больницы.

— Наверное, — не слишком уверенно ответила Маша. — Всё, мне пора. Пока.

После завтрака я занялась магией. Источник нашёлся почти сразу. За последние дни тело наконец начало понимать, чего я от него хочу, и привыкать к нагрузке. Тепло послушно прошло от плеч к локтям, потом к запястьям и пальцам. С ногами было хуже, но уже не приходилось всякий раз проталкивать силу как будто через слишком узкую щель.

Я повторила упражнение дважды и остановилась, как только в висках появилась тяжесть. Раньше такие объёмы силы я просто не замечала. Сейчас приходилось просчитывать каждый шаг. Тело Виктории постепенно принимало магию, но торопить его было всё равно что заставлять пятилетнего ребёнка поднять меч воина.

Я села на кровать, вытянула ладонь и сосредоточилась. Над указательным пальцем вспыхнула крошечная искра, которая продержалась чуть дольше, чем в прошлый раз.

— Уже приличнее, — сообщила я сама себе и откинулась на подушку, так как страшно устала.

Организм недвусмысленно требовал прекратить издевательства. Я послушалась. Через полчаса стало лучше, а ещё через десять минут я опять захотела есть и вернулась проблема с кашей.

Я заглянула в холодильник. Там было молоко на дне пакета, сгущёнка, которую принесла Маша, и несколько вещей, назначение которых я пока не могла определить без дополнительных исследований. В шкафу обнаружилась лапша, которую Маша велела не есть, чай и тот самый «Геркулес».

Следовало купить продукты. Я нашла сумку Виктории и вытряхнула содержимое на кровать. В ней обнаружились ключи, какие-то бумажки, расчёска, маленькая коробочка с зеркалом и кошелёк.

Внутри кожаного, почти мужского портмоне лежали цветные бумажные деньги разного номинала, несколько металлических монет и три пластинки, похожие на студенческий билет.

Деньги были похожи на деньги потому, что на них стояли цифры. Двести. Сто. Пятьдесят. Оставалось выяснить, что означают эти цифры.

Я взяла телефон и набрала «Машулю». Она ответила не сразу.

— Что случилось?

На заднем плане кто-то громко говорил.

— Ничего. Я поняла, что мне нужно купить еду.

— Вик, я вечером принесу.

— Нет. Ты работаешь, а магазин ты говорила рядом. Я дойду.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому и звоню. У меня есть деньги и три прямоугольные пластинки. Чем мне платить в магазине?

Наступила тишина.

— Три чего?

— Пластинки. На одной написано ВТБ.

— Господи. Карты. Хорошо. Банковская карта — это деньги на счёте. Ею можно платить в магазине. Там терминал, прикладываешь карту, если сумма небольшая, обычно больше ничего не надо.

— А если большая?

— Может попросить код.

— Какой?

Маша вздохнула.

— Вот поэтому я и говорю: дождись меня.

— Маша, мне всё равно рано или поздно придётся научиться покупать хлеб самостоятельно.

Снова пауза.

— Ты точно Вика?

На этот раз вопрос прозвучал вроде бы шуткой, но я услышала в нём что-то ещё.

— Насколько мне сообщили врачи.

— Очень смешно. Ладно. Бери карту, которая чёрная, с белыми буквами. Она основная. Магазин через дорогу справа от подъезда. Только не набирай много, не дотащишь.

— Я и не собиралась закупать провиант, как во время осады.

— Вот. Опять.

— Что опять?

— Ничего. Иди уже. Только если станет плохо — сразу домой.

Я положила телефон и посмотрела на чёрную карту. Деньги на счёте. Невидимые деньги, которые хранятся неизвестно где и которыми расплачиваются прямоугольными пластинками.

На улицу я вышла через несколько минут. Лифт теперь был знаком: нажать кнопку, дождаться, войти, выбрать первый этаж. Вчера он казался металлической коробкой, которая решила проглотить меня живьём. Сегодня — просто быстрым способом спуститься с двенадцатого этажа.

Я вышла на улицу, дождалась, пока остановятся машины, перешла дорогу вместе с другими людьми на зелёный свет и вошла через раздвинувшиеся передо мной стеклянные двери.

Я остановилась и посмотрела назад. Двери закрылись. Подошёл мужчина — открылись. И Маша говорит, что здесь нет магии? Ладно, разберусь потом.

Внутри было светло, прохладно и очень много еды. Люди на входе брали металлические корзины или тележки, складывали туда выбранное, потом шли к стойкам у выхода. Ничего сложного. Цены стояли возле товаров. Вот только цифры пока всё ещё ничего мне не говорили.

Я начала с хлеба. Здесь пришлось задержаться: хлеба было столько видов, словно Москва готовилась кормить одновременно десяток разных миров. Я выбрала обычную буханку, уже

кем-то нарезанную. Потом поставила в тележку бутылку молока и коробочку с яйцами. У соседнего прилавка лежало мясо. Я остановилась. Розовые ломтики с тонкими прожилками жира выглядели вполне прилично. Упаковка была очень маленькая, поэтому я взяла две.

Чуть дальше обнаружился сыр. Один особенно понравился: светлый, плотный, с большими правильными дырками. Хороший сыр всегда стоил дороже плохого, но лучше съесть маленький кусочек хорошего, чем большой — плохого. Я положила в тележку небольшой ломтик.

Почти у выхода увидела печенье — круглое, светлое, с рифлёным краем — и невольно улыбнулась. Почти такое же пекли на дворцовой кухне, когда я была ребёнком. Нам с Лиарой тогда ещё было далеко до знакомства, а я считала приключением стащить несколько штук с подноса, предназначенного для взрослых. Иногда меня опережали дети прислуги и потом великодушно делились добычей. Коробочка тоже отправилась в корзину.

Пока хватит.

Передо мной оказалась женщина с ребёнком. Я внимательно проследила за её действиями. Продукты проехали по движущейся ленте, парень в форме магазина провёл их мимо небольшого устройства, женщина приложила карту к другому устройству и через несколько секунд забрала покупки. Пока всё понятно.

Я выложила продукты на ленту.

— Пакет нужен? — спросил молодой человек.

Я посмотрела на тонкие сумки возле него.

— Да, пожалуйста.

Он быстро провёл товары.

— Две тысячи сто восемьдесят четыре.

Сумма мне ничего не сказала. Я просто приложила карту так, как делала женщина до меня. Устройство пискнуло. На экране появились слова: «операция отклонена».

— Недостаточно средств, — сказал парень.

Неприятно, но понятно.

— Сколько мне не хватает?

Он пожал плечами.

— Я не вижу остаток на карте. Можете оплатить другой картой или наличными.

Я посмотрела на покупки.

— Давайте уберём часть. Что здесь самое дорогое?

Молодой человек впервые взглянул на меня внимательнее.

— Буженина. Две упаковки больше тысячи. И сыр шестьсот с чем-то.

Больше половины суммы — за два мизерных кусочка мяса!

— Уберите обе.

Парень убрал.

— Теперь девятьсот сорок семь.

Я снова приложила карту.

Опять отказ.

Очередь за мной начала увеличиваться. Женщина за мной молчала, но начала сопеть и суетиться.

— Уберите сыр.

— Печенье оставим?

Я посмотрела на пачку.

— Обязательно.

На этот раз сумма оказалась меньше трёхсот рублей.

Карта пискнула.

— Оплата прошла.

Я сложила покупки в пакет и вышла из магазина значительно более образованным человеком, чем вошла. Правда, примерно на полпути к дому выяснилось, что Маша не зря просила ничего тяжёлого не покупать. Пакет весил совсем немного, но руки начали дрожать. Я замедлила шаг и доползла-таки до лифта.

Дома первым делом приземлилась на стул и достала телефон. На экране висело новое сообщение. Я уже знала, что по нему можно провести пальцем. Сделала это осторожно.

Покупка 267,40 #. Остаток 436,18 #.

Теперь у цифр появился смысл. Четыреста тридцать шесть рублей. То есть ещё примерно один такой поход в магазин. Если не покупать мясо и сыр.

Я открыла кошелёк. Двести, сто, пятьдесят и мелочь. Вывод получался неприятный. Денег у меня было катастрофически мало.

Появился новый вопрос: когда появятся новые?

В герцогстве я каждое утро получала сводки по расходам хозяйства, знала даты поступления ренты, доходы земель, обязательные платежи, запасы на складах и примерные траты на месяц. Жить, не зная источника следующего дохода, казалось странным и невозможным.

Так что следовало выяснить источник и даты получения средств. К сожалению, Маша сейчас была на работе.

Я посмотрела на телефон и решила, что он, вероятно, знает о жизни Виктории гораздо больше меня. Вчера Маша показала только самое необходимое: как принять звонок, как позвонить ей и где лежат контакты. Я осторожно нажала значок с сообщениями.

Появился длинный список имён и фраз. Некоторые я понимала. Некоторые — только частично. В верхней части стояло имя «Лена староста». Я нажала на него.

Последнее сообщение было от вчера.

Вик, ты вообще где?

Ниже:

Куратор опять спрашивал. Из деканата тоже уже интересовались.

Ещё ниже:

Срок по курсовой давно прошёл. После истории с одинаковыми работами само уже не рассосётся. Тебе надо прийти лично.

Я нахмурилась и прокрутила переписку. Сообщения непрерывным потоком шли несколько дней подряд.

Ты на пары придёшь?

Вик, ответь хотя бы.

Я сказала куратору, что ты болеешь, но справку всё равно потом принести надо.

Потом:

По курсовой препод ничего закрывать без тебя не будет.

И ещё одно:

Я не знаю, что у вас с Максимом произошло, но то, что работы одинаковые, уже все видели.

Я остановилась. Вот и Максим появился.

Человек, который жил в этой квартире, оставил домашние туфли и каким-то образом оказался связан с учебной работой Виктории.

Я перечитала сообщения ещё раз. Одинаковые работы. Если два человека приносили одинаковую работу, вариантов было немного. Они либо делали её вместе, либо один воспользовался результатом работы другого.

Слово «курсовая» я пока понимала только приблизительно. Учебная работа. Наверняка достаточно серьёзная, раз из-за неё заинтересовались преподаватель, куратор и деканат.

Я пролистала дальше. Последнее сообщение пришло сегодня утром:

Ну ответь уже. Лучше приходи завтра. Куратор сказал, чтобы ты сначала зашла к нему.

Значит, вопрос с университетом откладывать уже нельзя. Я закрыла сообщения и некоторое время сидела, глядя на телефон. За один час выяснилось, что я бедна, должна кому-то курсовую, подозрительно совпавшую с другой курсовой, и завтра меня ждёт мужчина, которого я никогда не видела, но который прекрасно знает Викторию Соколову.

Да... Спокойной жизни у меня не будет и здесь.

До прихода Маши я успела пообедать хлебом с молоком. Как пожарить яйцо, я пока не знала. Зато печенье оказалось ужасно вкусным. Совсем не похожим на то из дворцовой кухни, но сладким и нежным.

Потом я упала на кровать прямо поверх покрывала и уснула. Проснулась от звонка в дверь. Маша вошла с рюкзаком на одном плече и усталым лицом.

— Ну? Как день?

— Продуктивно.

Она поставила рюкзак у стены.

— Это слово в твоём исполнении меня пугает.

— Я сходила в магазин.

Маша замерла.

— Одна?

— А что в этом такого?

— Вик, тебе вчера до машины идти было тяжело.

— Сегодня тоже было не слишком легко. Поэтому я купила мало.

Она прошла на кухню и заглянула в холодильник.

— Хлеб. Молоко. Яйца. Нормально. А это что?

Я поставила на стол печенье.

— Сладкое и вкусное необходимо человеку для хорошего настроения.

Маша посмотрела на меня.

— А что ещё необходимо человеку для хорошего настроения?

— Буженина и сыр.

Маша уставилась на меня.

— Ты две упаковки буженины больше чем за тысячу рублей собралась покупать?

— Я ещё не знала, что тысяча рублей — это много.

— А сыр?

— Сыр был хороший с огромными дырками.

Маша закрыла лицо ладонью.

— Господи. Ты по замашкам прямо герцогиня.

Я подняла голову.

— Что?

— Ничего, я разве не права?

Мне пришлось сделать вид, что я не поняла, что она сказала.

— После отказа карты платить я попросила убраться мясо и сыр. У меня осталось четыреста тридцать шесть рублей восемнадцать копеек.

Маша перестала улыбаться.

— Ты где это увидела?

— Телефон сообщил после покупки.

— А. Пуш от банка.

— Значит, это называется пуш. Хорошо. Теперь другой вопрос: когда у меня появятся следующие деньги?

Она села напротив.

— В смысле?

— В прямом. Откуда я получаю деньги?

Маша смотрела на меня чуть дольше, чем требовал вопрос.

— Стипендия.

— Когда?

— В конце месяца обычно.

— Сколько?

Она назвала сумму. Я пересчитала в хлеб, молоко и яйца. Получилось очень мало.

— Этого недостаточно даже на еду.

— Поэтому ты работала.

— Где?

Маша опять замолчала.

— На банкетах. Иногда в ресторане, иногда через кейтеринг. Официанткой. Там можно было брать отдельные смены, когда свободна. Ты сама график под учёбу подбирала.

Это уже звучало интереснее.

— И платили после смены?

— По-разному. Иногда сразу, иногда на следующий день. А что?

— Значит, если мне понадобятся деньги, я могу взять смену.

Маша чуть не рассмеялась.

— Ты сейчас пакет из магазина еле донесла.

— Ну я же не пойду сегодня.

— И не завтра.

— Хорошо. Послезавтра обсудим.

Она уставилась на меня.

— Вик.

— Что?

— Ты правда очень странная.

— Ты это уже говорила.

— Нет. Я серьёзно. Ты лифчик сама надеть не смогла. Телефон вчера держала так, будто он тебя укусит. Сегодня пошла одна в магазин, разобралась с картой, посчитала деньги и уже выяснешь, когда можешь выйти на работу.

Я сложила руки на столе.

— Возможно, я просто не люблю беспомощность.

— Ты и раньше её не любила.

В её голосе появилось что-то осторожное.

— Но?

Маша отвела взгляд.

— Раньше если бы тебе не хватило денег на кассе, прибежала бы домой и неделю в магазин носа бы не показывала.

— Люди меняются.

— За неделю в реанимации?

Я промолчала. Маша посмотрела на меня и махнула рукой.

— Ладно. Наверное, я сама накручиваю. После всего этого неудивительно, что ты другая.

Я решила сменить тему.

— Сколько стоила вчера машина из больницы?

— Какая разница?

— Мне просто интересно.

— Вик, не начинай.

— Я спрашиваю сумму.

Маша нехотя назвала. Я ещё помнила остаток на карте. Она вчера отдала заметно больше.

— Ты студентка и работаешь консультантом в магазине, — сказала я. — Это для тебя очень много.

— Ну и что?

— Можно было ехать иначе?

— Можно. На метро, потом автобусом. Только ты после пяти минут ходьбы села бы на пол.

— Понятно.

Я достала телефон.

— У меня ещё университет.

Она сразу перестала улыбаться.

— Что именно?

— Я нашла сообщения старосты.

— Какие?

— Срок по курсовой прошёл. Куратор меня ищет. Из деканата спрашивали. И есть какая-то история с одинаковыми работами.

Маша посмотрела на меня очень внимательно.

— Там Максим.

— Я уже поняла, что он каким-то образом участвует.

— Ты ничего не помнишь?

— Нет.

— Вообще?

— Вообще.

Она провела ладонью по столу.

— Может, оно и к лучшему.

— Для кого?

— Для тебя.

Я ждала продолжения. Маша заметила и устало пробормотала:

— Не сегодня, ладно? Это не на пять минут.

— Мне завтра туда идти.

— Куда?

— В университет. Староста написала, что куратор сказал, чтобы ты сначала зашла к нему.

— Завтра?

— Именно.

Маша нахмурилась.

— Завтра понедельник. У меня пары, но, Вик, может, я всё-таки с тобой поеду?

Первым желанием было согласиться. Университет я никогда не видела. Дороги не знала. Самостоятельно никаким транспортом не пользовалась. Даже слово «метро» пока означало для меня только нечто, на чём можно доехать до нужного места.

Но Маша завтра училась. И у неё была собственная жизнь, которой она последние дни пренебрегала ради меня.

— Утром объяснишь мне, как туда добраться. Дальше я справлюсь.

Она долго смотрела на меня.

— Вот это меня и пугает.

— Что именно?

— Что ты всё время справляешься.

Я улыбнулась.

— Не всегда. Сегодня я лишилась буженины.

Маша засмеялась, но взгляд, который она бросила на меня, был чуть настороженным.

Глава 4. Не с чистого листа

Проснувшись, я первым делом потянулась к источнику. Он отозвался почти сразу — привычным теплом где-то глубоко внутри. Я лежала ещё несколько секунд, прислушиваясь к нему, и только потом открыла глаза.

Сегодня тренировку я решила пропустить. Даже вчерашняя прогулка всего лишь до магазина закончилась дрожью в руках, а сегодня предстояло добраться до университета, найти там какого-то куратора и выяснить, что именно успела или не успела натворить Виктория Соколова до меня.

Маша пришла без десяти восемь.

— Что случилось?

— Буду объяснять, как ехать.

— Я слушаю внимательно.

Она посмотрела на меня и продолжила:

— До метро отсюда минут десять. Станция называется «Каширская». Метро — это подземная железная дорога. Там ходят поезда.

— Под землёй?

— Да.

— Очень интересно.

Маша хмыкнула и положила передо мной листок.

— Входишь, прикладываешь карту к турникету. Ту же банковскую карту, которой в магазине платила. Проходишь, спускаешься вниз. Тебе нужно сесть в поезд и доехать до «Павелецкой». Без пересадок.

Последнее слово мне ничего не сказало.

— Что значит «без пересадок»?

— Села один раз и едешь до нужной станции. Из одного поезда в другой переходить не надо.

— Как я пойму, куда садиться?

— Там есть указатели. Если не поймёшь — спроси: «Мне на Павелецкую, сюда?» Только не садись, пока не убедишься, что поезд идёт в нужную сторону.

— А когда выходить?

— Станции объявляют. И названия написаны. Услышишь «Павелецкая» — выходишь.

— Наружу как?

Маша замолчала.

— По указателям «Выход в город».

— Хорошо.

— И всё?

— А что ещё?

Она некоторое время разглядывала меня с тем выражением, которое в последние дни появлялось всё чаще.

— Ничего. Просто раньше я бы тебе ещё схему рисовала — где направо, где налево.

— Я плохо ориентировалась?

— Нет. Ты всё делала очень тщательно и очень медленно.

— Значит, амнезия придала мне ускорения.

Маша фыркнула и всё-таки записала на листке два слова: «Каширская» и «Павелецкая», а ниже — адрес университета.

— Выходи хотя бы минут за сорок до нужного времени.

— Выйду за полтора часа.

— Зачем?

— Потому что я никогда не была в метро, не знаю дороги и хожу пока медленнее, чем хотелось бы.

Маша подумала и кивнула.

— Разумно.

Через двадцать минут я уже шла к метро. Вход нашёлся легко: туда стекалось слишком много людей, чтобы ошибиться. Дальше стало интереснее.

Перед металлическими створками люди по очереди прикладывали карты к небольшому экрану и проходили. Я встала чуть в стороне, посмотрела, что именно они делают, достала свою карту и повторила. Створки открылись.

Пока всё получалось очень просто. Потом появилась лестница, которая двигалась сама.

Я остановилась перед первой движущейся ступенью. Люди спокойно наступали на неё и уезжали вниз. Значит, опасности не было. Оставалось только правильно поставить ногу.

Я шагнула, ступень ушла вперёд, я качнулась, но успела схватиться за движущийся поручень.

— Девушка, ну проходите уже, — недовольно произнесли за спиной. — Понаехали тут...

Я поняла, что кто-то сзади выразил неудовольствие, подтянула вторую ногу и выпрямилась. Лестница плавно потащила меня вниз.

Там было шумно. Люди двигались быстро и с таким видом, будто каждое мгновение промедления стоило им состояния. Я нашла глазами нужное название, но рядом было столько стрелок и цветных обозначений, что предпочла не гадать, а спросить.

У края платформы стоял мужчина лет пятидесяти.

— Простите. Мне нужно на Павелецкую. Садиться здесь?

Он мельком посмотрел на меня.

— Здесь. В центр.

Что такое «в центр», я выяснять не стала. Главное, сторона была верной.

В ногах уже появилась неприятная слабость. До появления следующего поезда оставалось несколько минут, поэтому я села на свободное место на длинной лавке.

Поезд выскочил из тоннеля с грохотом и ветром.

Я ожидала чего угодно, но не длинной металлической стены с множеством дверей. Они открылись одновременно, изнутри хлынули люди, снаружи двинулись им навстречу. Я подождала, пока поток немного разойдётся, и вошла.

Внутри нашлось свободное место. Я села, положила сумку на колени и приготовилась слушать. После третьей остановки всё окончательно стало понятно. Название объявляли заранее, потом поезд останавливался, двери открывались. Кроме того, над дверями висела схема, и названия станций шли одно за другим. Потрясающе удобная система. Громкая, тесная, но удобная.

На «Павелецкой» я вышла вместе с остальными, нашла надпись «Выход в город» и поднялась наверх. Где именно находится университет, пришлось спросить ещё раз, но через несколько минут я уже стояла перед большим зданием и сверяла название с запиской Маши.

РЭУ им. Г. В. Плеханова. До назначенного времени оставалось почти сорок минут. Я нашла внутри свободную скамью и села. Часовой запас оказался не перестраховкой, а разумным расчётом: дорога вымотала сильнее, чем прогулка до магазина. Ноги гудели, в висках неприятно тянуло, зато я добралась.

Через четверть часа усталость немного отпустила. Кабинет куратора находился где-то на третьем этаже. Номер комнаты я знала, расположение — нет.

У лестницы стояли четверо молодых людей примерно моего нынешнего возраста. Две девушки, два юноши. Я подошла ближе к ним.

— Подскажите, пожалуйста, где триста шестнадцатый кабинет?

Один из парней уставился на меня.

— Соколова, ты?

— Да.

Он перевёл взгляд на остальных и усмехнулся.

— Серьёзно?

— Более чем.

— Ты не знаешь, где триста шестнадцатый?

— Именно поэтому спрашиваю.

Одна из девушек отвела глаза. Вторая, наоборот, смотрела с любопытством. Парень при-
свистнул.

— Макс, похоже, не врал. Тебя реально переклинило.

Имя было знакомым.

— А что именно говорил Максим?

Улыбка у него стала осторожнее.

— Да так... разное.

— Например?

— Слушай, сама у него спроси.

— Обязательно. Так где кабинет?

Ответила наконец молчавшая до этого девушка:

— На третий этаж, потом налево до конца. Там будут кабинеты кафедры, триста шест-
надцатый почти последний.

— Спасибо.

— Вика...

Я обернулась.

Она явно хотела что-то добавить, но передумала.

— Ничего.

Я пошла к лестнице. Очередной факт в мою копилку: Максим не просто исчез из жизни
Виктории. Он ещё и обсуждал её с окружающими. Как-то пока всё это выглядит не очень
красиво.

Куратор оказался мужчиной лет сорока пяти, в очках и светлой рубашке без пиджака.
На табличке возле кабинета значилось: Андрей Сергеевич Воронцов.

Когда я вошла, он поднял голову от компьютера и несколько секунд просто смотрел.

— Соколова.

— Доброе утро.

— Можно и так сказать. Проходите.

Я села напротив стола и достала документы.

— Это справка для университета. И выписка из истории болезни.

Он взял сначала справку, быстро просмотрел даты.

— Значит, больница действительно была. Хорошо, это я сам отнесу в деканат. Но вы мне
объясните, куда вы исчезли до неё? Лена вас искала, я писал. После истории с курсовой вы
вообще перестали появляться.

Я положила перед ним выписку.

— Не могу объяснить.

Андрей Сергеевич нахмурился.

— В каком смысле?

— Я не помню.

— Что именно?

— Практически всё, что происходило до больницы.

Теперь он всё-таки взял выписку и прочитал внимательнее. Взгляд остановился на одной строке, потом на другой.

— Ретроградная амнезия...

— Да.

Он ещё раз посмотрел на меня, уже иначе.

— Вы действительно ничего не помните?

— Отдельные знания сохранились. Собственную жизнь — почти нет.

Андрей Сергеевич откинулся на спинку кресла.

— Теперь многое становится понятно.

— Мне как раз нет. Поэтому я и пришла. Мне нужен порядок действий: что именно я пропустила, что должна сдать и в какой последовательности это лучше сделать.

Он снял очки.

— Порядок действий?

— Да. Чем быстрее я пойму систему, тем быстрее решу проблемы.

Несколько секунд Андрей Сергеевич молчал.

— Вы сильно изменились, Соколова.

— После реанимации это, видимо, случается.

— Видимо.

Он снова надел очки и открыл какую-то таблицу на компьютере.

— Хорошо. Тогда по существу. До всей этой истории у вас долгов не было. Вообще. Учились вы отлично, сдавали всё вовремя. Сейчас пропустили контрольную по деловым коммуникациям, практическое задание по организации питания и коллоквиум. Это решаемо. По контрольной договорюсь, чтобы написали с другой группой. По практическому сами подойдете к преподавателю, я поговорю с ним и дам фамилию и часы. Коллоквиум тоже можно сдать отдельно.

— Сроки?

— На этой неделе желательно закрыть хотя бы одно. Но там никто вас душить не будет, справка есть.

— Курсовая?

Андрей Сергеевич перестал смотреть в монитор.

— А вот с курсовой хуже.

— Я её не сдала?

— Попытались.

— Что значит «попытались»?

Он вздохнул.

— За два дня до вас почти такую же работу сдал Максим Лавров.

Я молчала.

— Не похожую. Одинаковую. Одинаковая концепция, структура, расчёты, формулировки. Он принёс первым. Преподаватель, естественно, увидев вашу позже, принимать её отказался.

— И как я это объяснила?

— Вы сказали, что писали её сами и что Лавров вашу работу украл. Потом был скандал, вы несколько дней не появлялись, а дальше, судя по всему, больница.

Картина постепенно прояснялась.

— А вы что думаете?

Андрей Сергеевич посмотрел на закрытую дверь.

— Я думаю, Лавров что-то наворотил. Вы могли полдня выбирать формулировку для титульного листа, но чужую работу сдавать как свою — это на вас не похоже. И писал он раньше значительно слабее.

— Тогда почему вопрос не закрыт?

— Потому что «я думаю» — не может быть основанием принять дубликат. Лавров сдал первым. К тому же, Вика...

Он впервые назвал меня по имени.

— Если вы действительно дали ему свою готовую работу, то сами тоже хороши.

Я кивнула.

— Да, вы правы.

Он явно ожидал другой реакции.

— Вы даже не будете возмущаться?

— Чем? Если документ оказался у человека, которому нельзя было доверять, значит, Виктория плохо распорядилась документом.

Андрей Сергеевич снял очки и протёр их салфеткой.

— Понятно. Олег Николаевич сегодня здесь. Это преподаватель, который принимает курсовые. Раз уж вы пришли, лучше поговорить сразу.

— Где его найти?

— Через двадцать минут у него закончится занятие. Кабинет двести восемь. Я ему позвоню.

— Хорошо.

До второго этажа я дошла без проблем, но возле нужного кабинета пришлось снова сесть. Ноги окончательно налились тяжестью, а в голове появилась знакомая после больницы ватная пустота. Я закрыла глаза и несколько минут просто сидела.

Когда дверь аудитории открылась, наружу посыпались студенты. Последним вышел высокий седоватый мужчина с папкой под мышкой.

— Соколова?

— Да.

— Заходите.

Кабинет оказался маленьким: стол, шкафы, несколько стульев и доска с остатками каких-то записей. Олег Николаевич положил папку на стол и указал на стул.

— Андрей Сергеевич уже рассказал про больницу и амнезию.

— Тогда мне не придётся повторять.

— Не придётся.

Он сел напротив и некоторое время рассматривал меня без особого дружелюбия, но и без враждебности.

— Что вы помните о курсовой?

— Ничего.

— Даже тему?

— Её мне только что сказал Андрей Сергеевич.

Уголок его рта дёрнулся.

— Ладно. Тогда начнём с фактов. Лавров сдал работу раньше вас. Вы принесли позже то же самое. По формальным признакам ситуация не в вашу пользу.

— Андрей Сергеевич это уже объяснил.

— А ещё он наверняка сказал, что считает автором вас.

— Сказал.

— Я тоже.

Вот этого я не ожидала. Олег Николаевич открыл папку и достал несколько листов.

— У Лаврова раньше не было работ такого уровня. У вас — были. Не курсовые, но обычные письменные задания. Вы работаете медленно, зато тщательно. Он работает быстро, зато... скажем так, не всегда с тем же результатом.

— Почему тогда вы не приняли мою работу?

— Потому что я преподаватель, а не гадалка. У меня две одинаковые работы. Первая зарегистрирована за Лавровым и принята, оценка выставлена. Вторая — за вами. Даже если я уверен, что всё было наоборот, принять её повторно и выставить оценку вам я не могу.

— Понятно.

— Кроме того, Соколова, если вы дали другому студенту полностью готовый файл, это тоже ваша ответственность.

— Я уже поняла.

Он поднял брови.

— Сегодня прямо день чудес. В прошлый раз вы минут десять объясняли мне, почему это несправедливо.

Он убрал листы обратно в папку.

— Значит, решаем просто. Старую работу я у вас не принимаю. Делаете новую.

— Полностью с нуля?

— Нет. Исходные данные оставляю те же: сто гостей, гостиничный комплекс, вечернее мероприятие, тот же предел сметы. Можете использовать свои расчёты по численности персонала, мебели, базовому обслуживанию, если они подходят. Меняете концепцию, программу, организационную схему и всё, что из этого следует.

— Срок?

— Обычно на такое я даю три дня.

Я посмотрела на него.

— После больницы — неделю.

— Достаточно.

Он снова приподнял брови.

— Вы уверены?

— Вы сказали, что исходные расчёты можно оставить. Значит, задача не в расчётах, а в новой концепции мероприятия.

— В основном.

— Её я выбираю сама?

— Да. Только не тот же деловой приём с концертной программой.

Я подумала несколько секунд.

— Например, презентация нового направления компании с последующим ужином для партнёров?

Теперь он смотрел на меня уже с явным интересом.

— Например.

— Сто гостей остаются?

— Остаются.

— Предел сметы тот же?

— Да.

— Хорошо.

— Соколова, вы уверены, что у вас амнезия?

— Это написано в выписке.

— Я видел.

— Тогда зачем спрашиваете?

Он снова усмехнулся.

— Потому что прежняя Виктория сейчас записала бы всё слово в слово, потом уточнила бы три раза и ушла думать на два дня.

Он написал что-то на листке и протянул мне.

— Здесь формулировка задания. Старый файл у вас должен быть. Если не удалили. Используйте его как основу, но текст мне нужен новый. Не косметическая перестановка абзацев.

— Это понятно.

— И ещё. Если Лавров снова попросит посмотреть работу...

— Не увидит.

— Вот теперь я спокоен.

Я забрала листок и вышла. В коридоре было шумно, но свободная скамья нашлась быстро. Я села, прислонилась спиной к стене и разложила события по порядку.

Три учебных долга можно закрыть в течение недели. Курсовую — переделать. Исходные расчёты оставить, концепцию поменять, ошибки исправить. Максим Лавров получил готовую работу Виктории и сдал её раньше. Кроме того, успел рассказать окружающим что-то о её состоянии. Но с этим я буду разбираться позже.

Сейчас на первом месте у меня стояла курсовая. Само задание меня не пугало. Сто гостей, помещение, программа, обслуживание, люди, деньги, порядок прибытия и размещения — большую часть жизни я занималась вещами значительно сложнее. Нужно было только посмотреть, как всё это принято оформлять здесь.

Оставалась одна проблема: старая работа лежала в ноутбуке, а я не умела им пользоваться.

Глава 5. Не помню, но умею

Домой я добралась гораздо легче, чем утром до университета. От метро до дома дошла без остановок и, войдя в квартиру, не рухнула на ближайшую горизонтальную поверхность, так как есть хотелось куда сильнее, чем отдыхать.

В холодильнике нашлись молоко и яйца, а на полке — остатки того хлеба и пачка печенюшек. Готовить яйца я пока так и не научилась, поэтому ограничилась молоком с печеньем.

До Машиного прихода оставалась ещё уйма времени. Она обещала зайти после своих занятий и показать мне, как работать с ноутбуком. Курсовая вполне могла подождать ещё пару часов, а вот я сама уже начинала раздражать себя в нынешнем виде.

Сначала я немного позанималась магией. Источник откликнулся сразу. Тепло пошло по телу свободно, без прежнего ощущения, будто силу приходится проталкивать через слишком узкие ходы. Я несколько раз провела её по привычному кругу, удержала, отпустила и закончила раньше, чем появилась усталость.

После этого я открыла шкаф. До сих пор одежду Виктории я оценивала исключительно по двум признакам: насколько мне в этом комфортно и не умру ли я со стыда, выйдя в таком виде к людям. Теперь решила осмотреть имеющийся гардероб внимательнее.

Вещей оказалось больше, чем я ожидала. Джинсы, брюки, несколько платьев, рубашки, свитера, какие-то куцые кофты. Нашлась даже вполне приличная тёмная юбка. Я отложила её вместе с двумя блузками. Остальное пока оставила в покое.

С ногтями дела обстояли хуже. Они были разной длины, один сломан, кожа вокруг сухая. В ящичке ванной нашлись ножницы, небольшая пилка и несколько флаконов, содержимое каждого из которых обещало сияние, питание и объём моим волосам.

Слово «шампунь» повторялось на нескольких бутылках. Я выбрала ту, которая пахла приятнее всего, вымыла голову и впервые внимательно рассмотрела себя в зеркале не как чужую девицу, в теле которой очнулась, а как женщину, которой с этим лицом теперь жить.

Кожа была непривычно молодой. Под глазами ещё оставались тени, но они только делали и без того огромные глаза ещё больше.

Затем я подпилила ногти и снова занялась волосами. Среди заколок в глубине ящичка нашлись шпильки. Вот с ними я работать умела.

Через несколько минут волосы были собраны без сложных конструкций, но аккуратно и устойчиво. Я покрутила головой перед зеркалом и осталась довольна.

Звонок в дверь раздался, когда я собирала рассыпавшиеся заколки. Вошла Маша и затормозила в прихожей, разглядывая меня.

— Ты что с собой сделала?

— Вымыла голову.

— Это я вижу. Причёска откуда?

— Из волос, — объяснила я. — Шпильки нашлись в ванной.

Она сняла куртку, продолжая рассматривать меня.

— Ты никогда так не причёсывалась.

— Значит, пришло время начать.

Маша ничего не ответила, но выражение её лица мне не понравилось, и я решила не давать ей времени на размышления.

— Ты обещала показать мне ноутбук.

— Да, конечно. Пошли?

Мы зашли в комнату. Маша села за стол, а я приземлилась рядом.

— Начнём с простого. Вот кнопка включения.

— Запомнила.

На экране появилась заставка, потом несколько значков и требование ввести четыре цифры.

Я посмотрела на Машу.

— Ты их знаешь?

— Попробуем старый код. Ты раньше его не меняла.

Она назвала четыре цифры. Я нашла их на клавиатуре и по очереди нажала. Ничего не изменилось. Маша показала ещё одну кнопку, которая, по её словам, отправляла команду. Я нажала на неё, и экран открылся.

Дальше стало сложнее. Маша показала мне квадратик под клавиатурой. Провела пальцем — стрелка на экране послушно двинулась.

Я повторила. Стрелка метнулась в дальний угол.

— Она очень чувствительная.

— А ты води плавнее и легче.

Со второй попытки получилось лучше. Через несколько минут я уже могла направить указатель туда, куда хотела, хотя скорость управления пока оставляла желать лучшего.

— Один раз нажимаешь — выбираешь. Два раза быстро — открываешь.

Я дважды нажала — никакой реакции; повторила — открылось сразу два окна.

— Как так? — сказала я. — Либо ничего, либо с избытком.

Маша засмеялась и закрыла лишнее, нажав на крестик.

— Скоро приновишься.

— Хорошо бы.

— Ты всё схватываешь быстрее, чем я от тебя ожидала.

С папкой оказалось проще. Маша открыла раздел с документами, затем папку «Учёба». Внутри лежало ещё несколько папок.

— Третий курс. Вот. Курсовые... ага.

На экране появилось несколько файлов с похожими названиями.

Я нахмурилась.

— А почему их столько?

— Ты всегда сохраняла версии. Чтобы, если что-нибудь испортишь, можно было вернуться назад.

Это мне понравилось.

— Разумно.

Маша показала столбец с датами.

— Вот здесь видно, когда файл менялся последний раз. Если название одинаковое или непонятное, смотри сюда. Самая поздняя дата обычно означает последнюю версию. Но лучше ничего не удаляй.

— Удалять я пока вообще ничего не собираюсь.

— И правильно. Открывай.

Я справилась со второго раза.

Передо мной появился текст, таблицы и цифры. Уже знакомые по рассказу Олега Николаевича исходные данные: сто гостей, гостиничный комплекс, вечернее мероприятие.

— Как читать дальше?

Маша показала прокрутку. Потом — куда нажать, чтобы поставить курсор в нужное место.

— Если хочешь что-то дописать, щёлкаешь здесь и набираешь.

Я посмотрела на клавиатуру.

Буквы были нанесены на клавиши, но располагались в порядке, который не имел никакого отношения к алфавиту.

— Кто их так расставил?

— Не знаю.

— И все с этим согласились?

— Судя по всему.

Я решила проверить, насколько всё плохо. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы найти «п». Потом ещё несколько — для стоящей рядом «р». Затем пришлось искать «о».

Маша молча наблюдала.

К тому моменту, когда на экране появилось слово «проект», я успела его мысленно прокрутить чуть не до конца.

— Нет.

— Что — нет?

— Так работать невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.